

УДК 811.161

ПРИЕМ КОНТАМИНАЦИИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ДАР»**Шамяунова М.Д.***ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет», Томск,
e-mail: tpu@tpu.ru*

Исследуются особенности использования приема контаминации в первой главе романа В. Набокова «Дар». Под контаминацией в статье понимается объединение в речи путем наложения ($ab+\alpha\beta = a[b=\alpha]\beta$) или скрещивания ($ab+\alpha\beta=a\beta$) элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или семантической близости. Установлено, что романе В. Набокова «Дар» применяются все разновидности контаминации, в том числе лексическое, фразеологическое и синтаксическое наложение, а также лексическое, фразеологическое и синтаксическое скрещивание. Контаминанты в романе используются в качестве средства речевой характеристики персонажей, для выражения авторской иронии и оценки. Контаминация используется также для соединения компонентов предложений, обозначающих разделенные во времени и пространстве события и их переживание героями романа.

Ключевые слова: взаимодействие языковых единиц, контаминант, скрещивание языковых единиц, одноместное наложение, многоместное наложение

METHOD OF CONTAMINATION IN THE NOVEL OF VLADIMIR NABOKOV «THE GIFT»**Shamyunova M.D.***National Research Tomsk Polytechnic university (TPU), Tomsk, e-mail: tpu@tpu.ru*

Special aspects of contamination method used in the first chapter of the novel of Vladimir Nabokov «The Gift» are studied in the article. The contamination meant in the article is a connection of two linguistic units elements through application ($ab+\alpha\beta = a[b=\alpha]\beta$) or crossing ($ab+\alpha\beta=a\beta$) on the basis of its structural similarity or its semantic distance. It's established that all types of contamination had been applied in the novel of Vladimir Nabokov «The Gift», including lexical, phraseological and syntactic application as well as lexical, phraseological and syntactic crossing. Contaminants are used in the novel by means of speech characteristic of the characters, they may serve to express the author's irony and evaluation. The contamination is used abundantly for the purpose of sentences elements connection. These elements describe the events divided in time and space and the feelings of the events by the characters.

Keywords: interaction of language units, contaminant, crossing of language units, single application, plural application

Роман «Дар», по признанию самого писателя и по мнению его многочисленных исследователей, является вершиной творчества В. Набокова. В этом произведении, посвященном писательскому труду, одной из главных задач автора стало «именно показать, как живут и работают приемы», которые «строят мир произведения и сами оказываются его неустраимо важными персонажами» [10. С. 247]. Цель нашей работы состоит в выявлении особенностей использования приема контаминации в первой главе романа В. Набокова «Дар». В статье использован традиционный для лингвистики метод системного описания значений единиц языка и речи, а также прием проверки каждой из исследуемых контаминированных единиц на соответствие одной из формул контаминации.

Под контаминацией понимается «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости» [8. С. 238]. В отношении контаминации могут вступать единицы, относящиеся к одному и тому же уровню языка, делимые

на компоненты и обладающие значением – слова, устойчивые сочетания слов и синтаксические конструкции, – что позволяет говорить о трех разновидностях контаминации по характеру взаимодействующих единиц: лексической, фразеологической и синтаксической. Результатом такого взаимодействия становится образование новой языковой или речевой единицы, называемой контаминантом [4].

В данной статье мы придерживаемся узкого понимания контаминации, согласно которому различаются два структурных типа такого взаимодействия: скрещивание (называемое также агглютинацией) и наложение [5. С. 86]. При контаминации, осуществленной путем скрещивания, происходит замена компонента одной языковой единицы компонентом другой; структурная схема такого взаимодействия имеет вид $[ab+\alpha\beta=a\beta]$. Скрещивание возможно между словами (напр.: мотоцикл + велосипед = мопед), фразеологизмами или другими устойчивыми сочетаниями слов (напр.: промокнуть до нитки + промерзнуть до костей = промокнуть до костей), а также между синтаксическими конструкциями (напр.: Подъезжая

к станции, я потерял шляпу + Когда я подъезжал к станции, с меня слетела шляпа = Подъезжая к станции, у меня слетела шляпа). Как правило, скрещивание осуществляется между языковыми единицами, находящимися в отношениях синонимии или семантической близости.

«В то время как по способу скрещивания соединяются сходные по значению единицы, основанием контаминации при наложении является совпадение исходных единиц по форме» [2. С. 81]. В зависимости от типа взаимодействующих единиц различают лексическое (междусловное), фразеологическое и синтаксическое наложение. Структурная схема наложения имеет вид $[a(b=\alpha)\beta]$ или $[b(a=\alpha)\beta]$ и т.п. Для того чтобы две языковые единицы вступили друг с другом в отношения наложения, достаточно совпадения хотя бы одного звука у двух слов при лексической контаминации (напр.: велосипед + автомобиль = велОмобиль), одного словного компонента при фразеологической контаминации (напр.: краугольный камень + камень преткновения = краугольный КАМЕНЬ преткновения) и одного из элементов двух синтаксических конструкций при синтаксической контаминации (напр.: обратить внимание на проблему + привлечь внимание к проблеме = обратим ВНИМАНИЕ к проблеме). В исследованиях по стилистике контаминация обычно рассматривается как инструмент языковой игры или как речевая ошибка.

В романе В. Набокова «Дар» прием контаминации используется как один из способов эстетического выделения-выдвижения обозначаемого объекта [б] при создании речевой художественной формы произведения, связывающей языковую форму этого произведения с его содержанием. По мнению Г.И. Климовской, в число единиц речевой художественной формы – артем – входят все виды тропов, художественно значащие деформации семантики базовой единицы языковой формы, а также индивидуально-авторские лексические и синтаксические образования – окказионализмы [7].

В первой главе «Дара» контаминация используется Набоковым при создании метафор, в целях изменения семантики исходных языковых единиц, а также для образования окказионализмов.

Например, во фразе Оба... наблюдали за тем, как трое красновыйных молодцов в синих фартуках одолевали их обстановку [9. С. 6] лексический контаминант красновыйный $[a\beta]$, образованный способом скрещивания от синонимичного ему слова красно $[a]$ шей $[b]$ и редко используемого прилагательного жестоко $[a]$ выйный $[\beta]$,

способствует выражению авторской иронии, поскольку участвует в описании работы грузчиков. В этом описании вторая часть контаминанта в сочетании со словами трое молодцов и одолевали вызывают ассоциации со слогом русских былин, однако упоминание о современных деталях быта (синие фартуки, обстановка) указывает на бытовую сцену переезда.

Контаминанты каламбурного характера могут быть использованы Набоковым как средство речевой характеристики персонажа, высмеиваемого автором. Например, стихи Яши, противопоставленного герою и автору романа своим невежеством и отсутствием таланта, получают такую характеристику: все было выражено бледно, кое-как, со множеством неправильностей в ударениях, – у него рифмовало «предан» и «передан», «обезличить» и «отличить», «октябрь» занимал три места в стихотворной строке, заплатив лишь за два, «пожарище» означало большой пожар, и еще мне запомнилось трогательное упоминание о «фресках Врублева», – прелестный гибрид... [9. С. 37]. Образованный путем наложения лексический контаминант Врублёв (Руб $[a]$ -лёв $[b]$ + В- $[\alpha]$ руб $[\beta]$ -ель = $[\alpha+(a=\beta)+b]$) имитирует речевую ошибку персонажа и тем самым подчеркивает его недостаточную образованность, в то время как характеристика этого контаминанта, данная героем-автором – прелестный гибрид – не только служит средством выражения иронии, но и демонстрирует способность автора оценить случайно возникший при образовании окказионализма эстетический эффект.

В качестве средства речевой характеристики персонажей использован также имитирующий распространенную речевую ошибку фразеологический контаминант играть значение, образованный в результате скрещивания устойчивых выражений играть $[a]$ роль $[b]$ и иметь $[\alpha]$ значение $[\beta]$ ($ab+\alpha\beta=a\beta$). В романе Набокова этот контаминант произносится интеллигентами, претендующими на звание культурной элиты русской эмиграции: «Я на повестках по ошибке написала «Блок и война», – говорила Александра Яковлевна, – но ведь это не играет значения?» – «Нет, напротив, очень даже играет, – с улыбкой на тонких губах, но с убийством за увеличительными стеклами, отвечал инженер. – «Блок на войне» выражает <...> персональность собственных наблюдений докладчика, – а «Блок и война» это, извините, – философия» [9. С. 48]. Речевая ошибка в речи персонажа контрастирует с его выражением персональность собственных наблюдений докладчика, что вместе с описанием его

мимики также способствует выражению иронии со стороны автора.

Фразеологической называется контаминация не только собственно фразеологизмов, но и других устойчивых оборотов, в том числе речевых штампов. И в том, и в другом случае образование контаминанта становится возможным благодаря использованию внутри- и межсистемных отношений между фразеологизмами или их компонентами и единицами разных уровней языка [3. С. 81]. При образовании фразеологических контаминантов изменения в исходных языковых единицах для создания определенного художественного эффекта «могут осуществляться с использованием типовых механизмов и приобретают характер повторяющегося стилистического приема» [1. С. 127]. Набоков умело избегает повторений, мастерски сочетая контаминацию с другими приемами. Например, во фразе «Боже мой, как я ненавижу все это, лавки, вещи за стеклом, тупое лицо товара и в особенности церемониал сделки, обмен приторными любезностями, до и после! А эти опущенные ресницы скромной цены... благородство уступки... человеколюбие торговой рекламы... все это скверное подражание добру...» [9. С. 7] контаминация способствует буквализации метафоры во фразеологизме показать товар лицом и в эвфемизме скромная цена. Образованный способом наложения контаминант тупое лицо товара (тупое [a] лицо [b] + (показать) товар [α] лицом [β] = [a(b≈β)α]) выражает отношение автора к невыразительному (тупому) облику вещей, выставленных на продажу.

Фразеологический контаминант опущенные ресницы скромной цены также образован способом наложения компонентов штампа скромно [a] опущенные ресницы [b] и выражения скромная [α] цена [β] (b + [a≈α] + β). Единство контаминированного выражения поддерживается в данном случае не только омонимией входящего в состав исходных словосочетаний компонента скромн-, но и содержащимся в каждом из них подтексте. Выражение скромно опущенные ресницы в контексте всего предложения заставляет думать о напускной, неискренней застенчивости, а за профессиональным эвфемизмом скромная цена скрывается, возможно, довольно высокая стоимость предлагаемого товара. Вместе с тем упоминание о скромно опущенных ресницах в ситуации купли-продажи вызывает ассоциации с торговлей «живым товаром» – проституцией.

Синтаксическая контаминация в романе «Дар», как правило, служит средством, позволяющим соединить разные времен-

ные планы повествования. Для достижения этой цели Набокову может быть достаточно соединить части двух предложений, называющих события, относящиеся к разным временным периодам. Например, предложение Сборник открывался стихотворением «Пропавший Мяч», – и начинал накрапывать дождик [9. С. 11] является результатом контаминации двух фраз, которые при традиционном изложении могли бы звучать следующим образом: Сборник открывался стихотворением «Пропавший Мяч» [a], в котором было описано одно из детских воспоминаний поэта [b]. В тот день с утра было ясно, но к вечеру погода испортилась [α], и начинал накрапывать дождик [β]. В результате скрещивания [ab+αβ=aβ] в одном коротком предложении воспоминания о прошлом и переживания настоящего предстают как одновременные. Не вошедшая в контаминант информация, необходимая для связи разновременных событий, отчасти воссоздается предыдущим контекстом, содержащим описание чувств автора по поводу книги его стихов, частично же содержится в последующем описании событий прошлого: Тяжелый облачный вечер, один из тех, которые так к лицу нашим северным елям, сгустился вокруг дома. Аллея на ночь возвратилась из парка, и выход затянулся мглой... (там же).

Соединение разных временных планов повествования в одном предложении осуществляется В. Набоковым также и за счет наложения частей одной или нескольких фраз. Наложение в этом случае может быть не только одноместным, но и многоместным. Примером многоместного наложения может служить контаминированная синтаксическая конструкция, в которой взаимодействуют части предложений, описывающих разделенные во времени события.

Одно из названных событий представляет собой переживания автора по поводу рецензии на опубликованную им книгу стихов: ...только что виденное, – потому ли, что доставило удовольствие <...>, или потому, что встряхнуло, взяв врасплох <...>, – освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось на темном дне каждой его мысли, овладевая им при малейшем толчке: вышел мой сборник; и когда он, как сейчас, ни с того ни с сего <...> вспоминал эту полусотню только что вышедших стихотворений, он в один миг мысленно пробегал всю книгу, так что в мгновенном тумане ее безумно ускоренной музыки не различить было читательского смысла мелькавших стихов, – знакомые слова проносились <...>, и мелькание, и отдельно пробегавшая строка, дико блаженно <...> звавшая <...> домой, все это

вместе со сливочной белизной обложки сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты [9. С. 8].

Воспоминания о детских наблюдениях над рекой с моста водяной мельницы отражены в следующих фрагментах фразы: на темном дне <...> проносились, крутятся в стремительной пене (кипение сменявшей на мощный бег, если привязаться к ней взглядом, как дельвали мы когда-то, смотря на нее с дрожавшего моста водяной мельницы, пока мост не обращался в корабельную корму: прощай!), – и эта пена, и мелькание, и отдельно пробегающая <...>, кричавшая издали, звавшая, вероятно, домой, все это вместе сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты.

Эффект наложения возникает благодаря использованию некоторых слов и словосочетаний одновременно в прямом и переносном смысле. В частности, словосочетание на темном дне в прямом значении указывает на дно реки, видимое с моста водяной мельницы, но одновременно имеет и метафорическое значение хранящегося глубоко в подсознании детского воспоминания (на темном дне его мысли). Глагол проносились и отглагольное существительное мелькание одновременно обозначают и движение воды, и метафорический бег мыслей. Причастия пробегающая и звавшая относятся в одно и то же время к кому-то на берегу, зовущему детей домой, и к стихотворной строке, содержащей пронзительное воспоминание (До завтра, навеки, до гроба, – однажды, на старом мосту...) [9. С. 85].

Выделение фрагментов, характеризующих разные временные пласты повествования: переживания автора (план abc...) и воспоминания детства (план αβγ...), позволяет определить не только границы между этими фрагментами, но и компоненты, при помощи которых они взаимодействуют: ...но только что виденное <...> освободило в нем то приятное, что уже несколько дней держалось [a] на темном дне [b=α] каждой его мысли, овладевая им при малейшем толчке: вышел мой сборник; и когда он <...> вспоминал эту полусотню только что вышедших стихотворений, он в один миг мысленно пробежал всю книгу, так что в мгновении тумана ее безумно ускоренной музыки не различить было читательского смысла мелькавших стихов, – знакомые слова [c] проносились [d=β], крутятся в стремительной пене (кипение сменявшей на мощный бег, если привязаться к ней взглядом, как дельвали мы когда-то, смотря на нее с дрожавшего моста водяной мельницы, пока мост не обращался в корабельную корму: прощай!), – и эта пена [γ], и мелькание, и отдельно про-

бегающая [e=δ] строка, дико блаженно [f] кричавшая издали [ε], звавшая, вероятно, домой, все это вместе [g=ζ] со сливочной белизной обложки [h] сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты... [i=η].

В свою очередь, определение границ взаимодействующих частей исходных предложений дает возможность представить структурную схему фразы-контаминанта:

$$a+[b=α] + c + [d=β] + [γ] + [e=δ] + f + ε + [g=ζ] + h + [i=η],$$

заключительные слова которой (сливалось в ощущение счастья исключительной чистоты) в одинаковой мере относятся и к чувству радости, испытанному в детстве, и к ощущению первого успеха, переживаемому уже взрослым поэтом.

Выводы

Анализ контаминантов в первой главе романа «Дар», позволяет сделать вывод о контаминации как об одном из излюбленных стилистических приемов В. Набокова. В данной части романа встречаются лексические окказионализмы, образованные способом междусловного наложения (напр.: Врублев) и агглютинации (напр.: красновыйный), фразеологические контаминанты, созданные при помощи наложения (напр.: тупое лицо товара) и скрещивания (напр.: не играет значения), а также синтаксические конструкции, образованные путем скрещивания (напр.: Сборник открывался стихотворением «Пропавший мяч», – и начинал накрапывать дождик) и многоместного наложения.

Функции, выполняемые контаминантами в романе В. Набокова также весьма разнообразны. Контаминированные единицы используются писателем в качестве средства речевой характеристики персонажей (напр.: трогательное упоминание о «фресках Врублева»; не играет значения), могут служить для выражения авторской иронии (напр.: трое красновынных молодцов в синих фартуках) и оценки (напр.: Боже мой, как я ненавижу <...> тупое лицо товара; опущенные ресницы скромной цены), кроме того, контаминация активно используется автором для соединения компонентов предложений, обозначающих разделенные во времени и пространстве события и их переживание героями романа (напр.: Сборник открывался стихотворением «Пропавший мяч», – и начинал накрапывать дождик).

Разнообразие способов образования и использования контаминантов в романе В. Набокова «Дар» позволяет говорить о приеме контаминации как о значимом для этого произведения компоненте речевой художе-

ственной формы, являющейся уникальной системой реализации автором разного рода приемов, способов и средств превращения исходного языкового материала в эстетически значимые единицы художественного произведения [6. С. 215–216].

Список литературы

1. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. Сер. Гуманитарные науки (Филология). – 2005. – Вып. 3 (47). – С. 123–127.
2. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в аспекте системных особенностей лексики и фразеологии // Сибирский филол. журнал. – 2006. – № 3. – С. 77–86.
3. Ефанова Л.Г. Фразеологические трансформации в речи и художественном тексте // Текст и языковая личность: мат-лы V Всерос. научной конф. (Томск, 26–27 окт. 2007 г.). – Томск, 2007. – С. 80–85.
4. Ефанова Л.Г. Контaminaция (Материалы к словарю лингвистических терминов). Ч. 1. Широкое и узкое понимание термина «контaminaция» // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. – 2015. – № 2 (34). – С. 14–22.
5. Журавлев А.Ф. Технические возможности русского языка в области предметной номинации // Способы номинации в современном русском языке. – М.: Наука, 1982. – С. 45–109.
6. Климовская Г.И. Об одном из фундаментальных эстетических принципов (феномен выделения) // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2004. – № 282. – С. 215–219.
7. Климовская Г.И. Тонкий мир смыслов художественного (прозаического) текста. Методологический и теоретический очерк лингвопоэтики. – Томск: Изд-во НТЛ, 2009. – 168 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь [под ред. В.Н. Ярцевой]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
9. Набоков В.В. Собрание сочинений. В 4-х тт. – М.: Правда, 1990. – Т. 3. – 480 с.
10. Ходасевич В. О Сирине // Владимир Набоков: Pro et contra. Личность и творчество Владимира Набокова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология. – СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманитарного института, 1999. – С. 97–99.